Вл. Курбатов и И. Чуев

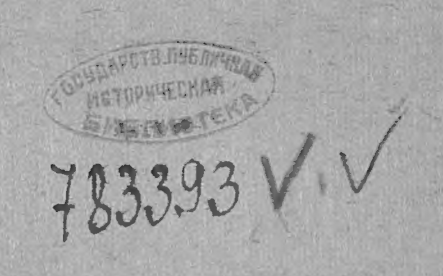
Сталинградские рассказы

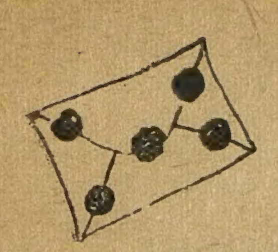
ОГИЗ
Ивановское областное
Государственное издательство
1943

Вл. КУРБАТОВ и И. ЧУЕВ

СТАЛИНГРАДСКИЕ РАССКАЗЫ

ОГИЗ
ИВАНОВСКОЕ ОБЛАСТНОЕ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1943

Вл. Курбатов

ШУРКА С МОЗДОКСКОЙ УЛИЦЫ

I

На столбе чернела железная полоска, покоробленная огнем. На ней с трудом можно было разобрать надпись: «Моздокская улица, дом номер пятьдесят шесть».

От самого дома осталась куча кирпичей и золы. Только печная труба вытягивала шею к небу.

— Что с вами, капитан? — спросил я, — у вас по щекам текут слезы. Это так не похоже на вас! У вас должны быть железные нервы...

— Какое уж там железо, — махнул рукой капитан. Он вытер глаза платком и добавил: — впрочем, если бы железо могло плакать, так и оно не выдержало бы.

Он с минуту помолчал и затем заговорил снова глухим прерывистым голосом:

— Вы, кажется, немного пописываете. Вот вам и тема для рассказа. Только ничего не прибавляйте. В нем и без выдумки чувства хоть отбавляй. — Капитан отхлебнул из фляжки два глотка крепкого чая и начал рассказ:

— Наша часть прибыла в Сталинград в июне. Тогда мы были еще в резерве. Я впервые увидел этот чудесный, цветущий город. Он сверкал на солнце белизной великолепных зданий, тысячами зеркальных окон. В зелени садов и бульваров, весело позванивая, двигались трамваи. На улицах было людно и шумно.

На центральной площади, где большой бульвар, на дорожках играли сотни ребятишек. Словом, большой город жил полнокровной жизнью.

Бродя по Дар-горе, я зашел на Моздокскую улицу. То была тихая зеленая улица. Небольшие уютные домики прятались в листве сирени, акаций, американских кленов. Я бродил по улице, заглядывая в маленькие солнечные дворики. Везде были видны грядки с зеленеющими огурцами и кустами помидор.

Внезапно из-за угла одного дома выбежал мальчик лет

двенадцати. Увидев меня, он приложил руку к пилотке и, озорно улыбнувшись, громко сказал:

— Здравствуйте, товарищ капитан!

— Здравствуй, — ответил я.

Мальчик почему-то мне сразу понравился. Он был живой, рослый. Серые глаза смотрели умно и выразительно.

— Ну, давай познакомимся. Тебя как звать?

— Шурка.

— Откуда ты?

— С Моздокской улицы. Вот с этой самой. Наш дом пятьдесят шесть, голубые ставни.

— Хороший у вас дом?

— Очень. Зайдите, товарищ капитан. Сами увидите.

Через минуту мой новый знакомый ввел меня во двор дома номер пятьдесят шесть. Налево, возле крыльца, зеленела беседка, сплошь увитая плющом. Справа, вдоль желтой дорожки, тянулись гряды с огурцами, помидорами, тыквой. Весь дворик окаймляли молодые тополя и вишни.

Жил Шурка с бабушкой и дедом. Мать его недавно умерла, а отец был на фронте.

Я временно поселился в их доме и стал, что называется, своим человеком.

II.

Что это за чудесный был парнишка! Военные книги он читал с упоением. Суворов, Кутузов, Фрунзе, Чапаев, Ворошилов — были его любимыми героями.

Немцев Шурка ненавидел от всего своего маленького сердца. Мне он часто твердил:

— Скоро ли мы этих поганых фрицев выгоним? Дядя Сережа, когда поедешь на фронт, возьмешь меня с собой, хорошо?

Я шутя обещал Шурке исполнить его просьбу. В июле наша часть пошла на фронт. Я простился с мальчиком, который стал дорог моему сердцу. Шурка был печален и нехотя пожал мою руку.

Мы расстались.

Бои в сталинградских степях, несмотря на исключительный героизм наших бойцов, не принесли нам удачи. Наши части, теснимые бесчисленными фашистскими полчищами, шаг за шагом отходили к городу.

В конце августа на Сталинград налетели немецкие бомбовозы и начали бомбить мирный город. В огне и развалинах

погибли сотни ни в чем неповинных женщин, детей, стариков.

Как сейчас помню тревожный августовский вечер. Уже стемнело. И в вечерней темноте было страшно смотреть на пылающий город. Огромное зарево поднималось от горящих кварталов. На одном из ближних заводов горели резервуары с нефтью. Черный, жирный дым подымался в небо и тянулся длинной полосой над Волгой.

Мы ехали в грузовой автомашине по одной из улиц города. В разрушенных корпусах каменных домов кое-где еще не угасло пламя. Телеграфные и телефонные столбы подгорели и беспорядочно попадали поперек дороги. Проволока путала колеса автомашин. То и дело приходилось вылезать из кузова и растаскивать в стороны горячую проволоку.

На углу Баррикадной и Советской упала тысячекилограммовая бомба, вырывшая огромную воронку. Проехать можно было только по узенькому краю над воронкой. Но здесь лежал мертвый верблюд, убитый осколком бомбы. Огромный его живот вздулся, рыжая клочковатая шерсть торчала на шее и спине. Мои бойцы стали его оттаскивать вниз воронки. В это мгновение какой-то мальчишка подбежал ко мне и пронзительно закричал:

— Дядя Сережа! Это я — Шурка, с Моздокской улицы.

Обрадованный, я схватил его на руки и поцеловал в грязное, испачканное глиной лицо. Плача, Шурка рассказал, что в их дом попала бомба. Дед и бабушка погибли, а он второй день скитается по городу.

Мы накормили Шурку, умыли, приодели и взяли с собой.

III

Шел октябрь. Наши части, крепко окопавшись, держали оборону в городе. Советские снайперы ежедневно выводили из строя сотни вражеских солдат и офицеров.

На одном из участков обороны расположился и мой батальон.

Был у меня один снайпер — Николай Торицын. Ловкий парень. За один месяц он истребил пятьдесят восемь фашистов. Уйдет, бывало, с утра на охоту и вечером является с докладом, что убил трех или четырех фрицев. Шурка подружился со снайпером и все время просил его, чтобы Николай взял его на охоту.

— Дядя Коля, возьми меня с собой. Я уже не маленький и стрелять умею. Дай мне хоть одного немца убить. Ведь должен я отомстить за бабушку и деда.

Николай Торицын шутливо отмахивался от Шурки. Но мальчик был упорен и не отставал от знатного снайпера. В конце концов Шурка исчез из батальона.

Я очень волновался за него.

Вернулся Шурка через три дня и приволок два немецких автомата. Оказалось, что он пристал к одному из снайперов соседней части. Вместе с ним пошел на охоту и сам подстрелил двух немцев. Как после этого мне было не разрешить ходить Шурке на охоту с Николаем Торицыным!

Вскоре вся часть узнала имя юного снайпера Александра Фирсова. О Шурке говорили всюду.

Шурка убил уже пятнадцатого фрица, когда случилось с ним несчастье.

Капитан снова утер глаза платком и, тяжело вздохнув, продолжал:

— А дело получилось такое. Однажды, в начале ноября, снайпер Торицын, захватив Шурку с собой, ушел на охоту. Он выбрал себе гнездо в развалине заводской трубы. Кроме этого, у опытного снайпера были два запасных гнезда, соединенные с основанием заводской трубы ходами сообщения.

Стояло раннее осеннее утро. Николай Торицын и Шурка наблюдали за немецкими окопами, которые проходили впереди метрах в ста, за линией железной дороги.

Вот один из фрицев осторожно высунулся из окопа и, пригибаясь к земле, побежал к колодцу. Николай прицелился, и фриц покатился по траве, только железное ведро загремело.

Шурка рассмеялся.

— Молодец, дядя Коля! Теперь очередь моя. Ты не мешай.

Второй фриц выполз с автоматом в руках и стал смотреть по сторонам, ища место, откуда прозвучал советский выстрел.

— Смотри, смотри! — прошептал Шурка, плавно нажимая на курок

Загремел выстрел, и шестнадцатый немец упал, сраженный рукой отважного мальчика.

— Вот это действительно... того! — расцветая улыбкой, сказал Николай Торицын.

Шурка был доволен и терпеливо продолжал дожидаться появления следующего фашиста.

Увлекшись охотой, снайперы не заметили, как влево от них, на высотке показался немецкий пулеметчик. Это был, вероятно, отличный стрелок. Короткой очередью он убил на-

шего знатного снайпера — бойца Николая Торицына. Шурку пуля ранила в ногу.

Он растерялся и, выйдя из гнезда, пополз по направлению к нашим окопам. Один из советских бойцов заметил мальчика и бросился к нему на помощь, но был вынужден залечь в камнях, потому что немецкий пулеметчик открыл по нему огонь. Потом в дело вступили фашистские минометы. Мины стали ложиться рядом с ползущим Шуркой.

В это время меня известили по телефону о всем происходящем. Я дал приказание подавить огонь фашистских минометов силою двух орудий. Ударил первый снаряд, и фашистского минометного расчета как не бывало. Вскоре замолчали и все остальные минометы. Тогда двое смелых разведчиков — красноармеец Васенко и сержант Черных поползли навстречу Шурке. Мальчик был мертв — два осколка попали ему в голову.

Разведчики доставили в окопы тело юного героя, и мы похоронили Шурку под ветвистым кленом, чудом уцелевшим от пожара и бомбежки.

Капитан помолчал и закончил свой рассказ:

— А сегодня меня потянуло к этим местам. Вот я пришел сюда, вспомнил милого Шурку, взглянул на эти развалины и... расчувствовался. Вы не пишите, что капитан Буланин плакал, — нехорошо, а, впрочем, как знаете. Этих слез я не стыжусь.

СИБИРЯЧКА

Мины с противным визгом рвались возле самого командного пункта. В темном блиндаже у аппарата сидела связистка. Она была румяная, смешливая, с ямочками на щеках. Ее глаза — серые и лучистые — всегда смотрели весело и смело. Звали ее Лена Бокаревич.

Сегодня был особенно тревожный день. Немецкой разведке удалось засечь расположение нашего командного пункта. Поэтому фашистские минометы ни на час не прекращали планомерного обстрела. В двух шагах от коммутатора на самодельной кровати спали два линейных связиста — Иван Шумов и Николай Пересада. Лена то и дело соединяла абонентов с командующим. Ее пальцы ловко управлялись с длинными черными шнурами. Говорила она коротко, четко, быстро.

— Алло. Я вас слушаю. «Сосна», почему не отвечаете «Зениту»? «Снаряд», вас требует «Комета». Отвечайте немедленно! Соединяю.

Вот в трубке послышался знакомый бас командующего:

— Барышня, почему не отвечает «Взрыв»? Срочно вызовите.

— Есть, срочно вызвать!

Связистка стала работать зуммером, но «Взрыв» не отвечал.

Девушка побледнела от волнения. Ведь «Взрыв» — это такая важная часть, связь с которой не должна нарушаться ни на минуту. Но тут, как на грех, линия молчала.

Телефонистка доложила командующему, что связь со «Взрывом» нарушена.

— Пошлите на линию монтера, немедленно.

— Есть!

Лена растолкала спящего Ивана Шумова, бородатого, нетороплчвого сибиряка.

— Вставай, вставай, мальчик. На линию живо. Найди порыв и исправь связь со «Взрывом».

Иван Шумов взял сумку с инструментами, прихватил винтовку и вразвалку направился к выходу.

Прошло полчаса. Командующий требовал вызвать «Взрыв», но линия попрежнему не работала, а Иван Шумов не возвращался.

— Товарищ Пересада, есть срочное задание, — строго сказала Лена.

Комсомолец Николай Пересада вскочил с постели, поправил пилотку, подтянул ремень и, улыбнувшись, сказал:

— Я вас слушаю, товарищ начальник!

— Прошу без шуток, — сердито ответила Лена. — Иди, найди порыв на линии, что ведет ко «Взрыву», немедленно исправь повреждение и узнай, что случилось с Шумовым.

— Есть! — просто ответил Пересада и исчез из землянки.

Опять потянулись томительные минуты. Командующий бранился в трубку и приказал вызвать начальника связи. Пришел и он — старший лейтенант Белкин, человек среднего роста, худощавый, юркий, с красными глазами — от постоянной бессонницы.

Командующий приказал начальнику связи во что бы то ни стало исправить повреждение на линии.

— Есть исправить, — хрипло ответил старший лейтенант и потом обратился к Елене:

— А кого же я пошлю? Линейные не вернулись.

Лена с минуту помолчала, затем сказала:

— Пошлите меня, товарищ старший лейтенант. Вы за меня подежурите, а я найду повреждение. Вот, честное слово, найду.

Раздумывать было некогда. Начальник связи на предложение Лены Бокаревич согласился.

Она взяла с собою запасную сумку с инструментами, сунула в карман шинели два индивидуальных пакета, сняла с гвоздя автомат и, осмотрев себя, сказала:

— Кажется, все в порядке. Разрешите итти?

— Идите, — ответил начальник связи. А когда она была уже в дверях землянки, он вскричал ей:

— Лена, смотри там, осторожнее!

Девушка не ответила.

Когда она вышла на улицу, в трех шагах от нее шлепнулась мина и не разорвалась. Девушке стало смешно. Она огляделась вокруг. Все дома по левому берегу реки были разрушены бомбежкой. Над ними стояло мутное облако пепла и чада. За рекой были немцы. Оттуда то и дело гукал фашистский миномет. На том берегу реки, где-то вправо, располагалась в блиндажах часть, с которой оборвалась связь. Тоненькая ниточка провода вела к мосту через реку.

Лена побежала вдоль провода, часто падая на землю, спасаясь от разрывов мин. Ей удалось добраться до моста, когда она увидела убитого бойца. Он лежал на земле, широко раскинув руки и спокойно, чуть удивленно, смотрел в небо. Из углов рта вытекала еле заметная струйка алой крови. Это был Иван Шумов.

— Эх, Ваня, Ваня! — сквозь слезы сказала девушка.

Она утерла слезы рукавом шинели и быстро юркнула под мост. Там вдоль железных балок тянулся провод.

Немцы заметили девушку и открыли огонь из автоматов. Но Лена, скрываясь между переплетами моста, медленно, но верно продвигалась вперед. Велика была ее радость, когда она увидела оборванный конец провода. Она соединила оба конца, и линия стала работать.

Под обстрелом девушка вернулась обратно.

Начальник связи встретил ее с радостным лицом.

— Молодец, Лена. Я так и знал, что у тебя дело выйдет.

— Разрешите доложить, товарищ начальник. Повреждение устранено. Боец Иван Шумов при исполнении обязанностей погиб. О Николае Пересаде ничего неизвестно.

Начальник связи доложил командующему, что линию исправила дежурная телефонистка Елена Бокаревич.

— Пришлите ее ко мне!

В блиндаж командующего Лена входила робко. Генерал-майора Н. она видела впервые.

Адъютант командующего, молоденький лейтенант, доложил ему, что связистка явилась.

— А ну-ка, покажите мне ее, — весело сказал генерал-майор, расправляя левой рукой пушистые седые усы. — Вот она какая!

Раскрасневшаяся от волнения девушка отрапортовала генералу о том, что линия ею исправлена.

— Хорошо, — сказал командующий, — садись, рассказывай.

— Мне нечего рассказывать, товарищ генерал-майор.

— Ну, если нечего, я буду спрашивать. Откуда родом?

— Сибирячка. Из-под Челябинска.

— Значит, земляки, — рассмеялся командующий. — А земляков принято встречать хлебом-солью. Дай-ка нам, адъютант, что-нибудь перекусить.

Адъютант принес на большом серебряном подносе, неизвестно как попавшем в этот блиндаж, душистый чай, печенье, бутерброды, варенье.

— Угощайся, — сказал генерал-майор.

Девушка смущалась, но потом от ее смущения не осталось и следа. Уплетая бутерброды, она рассказала генерал-майору свою короткую жизнь.

До армии училась в техникуме связи, в Челябинске. Началась война — попала в армию. Все время на передовых. А больше и рассказывать нечего.

От командующего Лена пришла возбужденная и веселая.

Через восемь дней она получила награду — ее представили к ордену «Красная звезда».

А Николай Пересада вернулся только на четвертый день. Раненный немецким автоматчиком, он упал с берега реки вниз и пролежал двое суток в воронке от бомбы. На третий день он подстрелил немецкого разведчика, подошедшего близко к воронке, забрал его документы, автомат и вернулся на свой узел связи.

ОТКРОВЕННЫЙ РАЗГОВОР

В одну из командировок в часть т. Батюка я третий раз встретил Василия Захарова. Мы сидели на командном пункте батальона, в уютной комнате, сделанной в подвале разбитого снарядами дома. Стены подвала были завешаны какими-то декорациями. В углу стояло большое зеркало. По бокам его были картины. На письменном столе командира батальона красовались цветы — фикус и пальмы. Писарь батальона, круглолицый молодой парень, беспрестанно заводил патефон.

— Вы хорошо живете,—сказал я командиру тов. Котову.

— Как видите, — развел руками командир.

Захаров сидел на кровати и чистил свой верный автомат, из которого он уничтожил более 200 гитлеровцев.

Я подсел к нему, и мы тихонько разговорились.

— Вот все удивляются, что я немцев много убил, — усмехнувшись, сказал Захаров, — а ведь никто не знает, как и почему я стал снайпером. Я вам расскажу, как все произошло.

Я работал адъютантом при командире батальона. К нам часто забегала военфельдшер Клава Свинцова. Вы ее, вероятно, знаете?

Я припомнил стройную синеглазую девушку, которая бесстрашно работала под огнем врага, вынесла с поля боя 60 раненых и сама убила четырех фашистов.

— Да. Я знаю Клаву Свинцову.

— Так вот, — продолжал снайпер, — как-то раз она сказала мне:

— Хороший ты парень, Вася, нравишься мне, а замуж за тебя я ни за что не пойду.

— Это почему? — удивился я.

— Потому, что ты лодырь, Вася. И ничего геройского в тебе нет. Подумаешь, в штабе сидеть, — бумагу переводить! Нет, вот ты повоюй иди. Убил ли ты хоть одного немца?

Сознаюсь, от этого вопроса у меня стало нехорошо на сердце. А Клава повертелась-повертелась и ушла. Всю ночь я думал о ее словах, а утром взял автомат и, с разрешения командира батальона, ушел «охотиться» за фрицами.

В первый день я убил всего двух немцев, но и этому был рад. Как-никак, а начало сделано. Вечером, когда к нам пришла Клава Свинцова, старший лейтенант Котов сказал ей:

— Знаете, товарищ военфельдшер! Захарова можно поздравить: убил двух фашистов. Разговелся.

Я вспыхнул от смущения, когда Клава подошла ко мне и пожала руку.

— Убьешь сорок фашистов, свататься приходи, — сказала она.

В блиндаже подняли смех, а я не знал куда деться.

С того дня я потерял покой. Ежедневно, чуть свет, стал я ходить на охоту. Каждый день убивал одного, двух, а то и трех немцев. Мой счет увеличивался. 16 октября я убил сорокового немца. В этот день меня вызвал командир дивизии. Когда я вошел в его блиндаж, за столом командира сидел дивизионный комиссар товарищ Г.

— А ну-ка, подойди сюда,—сказал он.—Говорят про тебя, что ты сорок немцев убил. Расскажи, как ты действуешь?

Путаясь в словах от волнения, я, как мог, рассказал дивизионному комиссару про свою снайперскую работу.

— Молодец, товарищ Захаров,—похвалил меня комиссар, и повесил мне на грудь медаль «За отвагу».

— От имени командования фронта я награждаю вас. Документы оформим после, — добавил он, обращаясь к командиру дивизии.

Из блиндажа комдива я вылетел, как на крыльях, и бежал вдоль берега Волги, не чувствуя под собою ног.

Как на грех, Клава сидела в блиндаже командира батальона, и я, войдя с улицы на свет, стоял и жмурил глаза. Клава первая заметила, что на моей груди сверкает новая медаль.

— Ого, — сказала она,—вы уже награждены, товарищ Захаров?

Командир батальона, его заместитель, писарь и двое связных подошли ко мне и наперебой поздравляли меня с правительственной наградой.

— Ну, что же, товарищ Свинцова, — смеясь, сказал командир батальона, — Василий свое слово сдержал. Он убил сорок фрицев и награжден медалью. Когда же будем гулять на свадьбе?

Клава, пунцовая от смущения, не знала, что ответить. И я стоял молча, точно язык присох к гортани. Потом Клава сказала:

— Прошу извинить, Вася, я тогда пошутила. Вот, если бы ты убил сто фашистов, тогда я бы подумала.

Все опять громко рассмеялись.

Клава ушла в свою санчасть, а я долго лежал с открытыми глазами, предаваясь мечтаниям.

Утром следующего дня я снова отправился на трудное

снайперское дело. Было воскресенье. Засев в брошенный, разбитый снарядами трактор-тягач, я принялся наблюдать за немцами. До полудня ни один фриц не показывался на дороге, ведущей в поселок, занятый фашистами. Но в двенадцать часов дня из-за угла крайнего дома вывернулась целая ватага подвыпивших офицеров. Играя на губных гармошках, они шли по дороге, обнимая друг друга и напевая.

Я прицелился и первой пулей сбил толстого усатого офицера. Я выстрелил второй, третий, четвертый раз. Каждая пуля находила свою жертву. Шесть офицеров я отправил на тот свет в это воскресенье.

К 28 октября на моем счету стало 104 фрица.

Клаву за эти дни я почти не видел, так как все время находился «на охоте». Когда я отрапортовал командиру батальона, что мною убиты сто четыре фашиста, он весело сказал:

— Ну, на этот раз свадьба обеспечена! Связной, позови сюда Клаву Свинцову.

Я взмолился:

— Товарищ старший лейтенант, не надо. Все равно она меня осмеет.

Но связной, надев шапку, уже выскочил из блиндажа. Минут через десять явилась Клава. В блиндаже поднялся хохот, а я не знал, что сказать. Меня выручил писарь. Ловко раскланиваясь, он подошел к Клаве и торжественно провозгласил:

— Уважаемая гражданка Свинцова! Наш знаменитый снайпер Василий Захаров слово, данное вам, сдержал. От его руки погибли сто четыре фашиста. Так что дело за вами.

Все опять рассмеялись.

Клава подошла ко мне и просто сказала:

— Знаешь, Вася. Ты не сердись на меня. Я пошутила. А то, что ты сделал — на пользу родине.

— Товарищ Свинцова, — снова заговорил писарь, — нельзя же так издеваться над парнем. Смилуйтесь, перемените гнев на милость.

— Нет, в самом деле,—раскрасневшись, говорила Клава, — я же пошутила, товарищи. Замуж я пойду только по любви, а ведь Вася меня не любит.

— Ну, хорошо, — сказал командир батальона, — можете быть свободны.

Клава пожала мне руку и вышла на улицу.

И в эту ночь я не спал. Мне было обидно на Клаву, хотя обижаться не на что. Утром я встал и сказал сам себе:

— О Клаве больше ни слова. Буду истреблять фашистскую нечисть. Отныне это мое единственное стремление.

И верно, получилось так, что я перестал встречаться с Клавой и отдался целиком любимому снайперскому делу. К 7 ноября счет убитых мною фашистов вырос до двухсот трех, и меня наградили орденом Красного Знамени. Я думал, что больше не встречусь с Клавой, но получилось все далеко не так.

7 ноября у нас был маленький праздник. Мы сидели в блиндаже за патефоном, пили чай и под гармошку пели старинные русские песни. В блиндаж пришел почтальон и передал мне записку. Я развернул ее и прочел:

«Знаете, Вася, я давно не встречала Вас. Если вам не трудно, зайдите к нам в санчасть. Мне хочется с вами поговорить. Клава».

Разумеется, я никому ничего не сказал, но в этот же день постарался быть в санитарной части. Я нашел Клаву в ее блиндаже. Она еще более похорошела и встретила меня очень ласково:

— Вы не сердитесь на меня?

Ее смущение и то, что она обращалась со мною на Вы, навело меня на мысль, что Клава... Я не знаю, можно ли сказать так. Может быть это слишком большое слово. Во всяком случае, мне показалось, что я для нее не совсем безынтересен. Мы долго проболтали с ней и расстались друзьями. С того дня в моем сердце родилось новое чувство к этой девушке. Я, пожалуй, назову — настоящая любовь. Интересно отметить, что ни Клава, ни я о свадьбе больше не говорили ни слова. Да это и не нужно.

Василий Захаров немного помолчал и закончил свой рассказ:

— Так я сделался снайпером.

ДОМ НА ПЕРЕКРЕСТКЕ

Когда-то в этом доме был большой универсальный магазин. С улицы в широкие зеркальные двери входили нарядные толпы людей. Обратно они шли с покупками—веселые, улыбающиеся. А теперь дом стоит без крыши, с прогоревшими полами и потолками. Окна его, почерневшие от дыма, глядят на улицу черными впадинами. Дом, кажется, никому не нужен. Но это не так. На площади, среди развалин, он представляет собою крепость.

За этот дом, на перекрестке двух улиц, восемь дней шел жаркий бой с немцами. На девятый день дом заняло отделение сержанта Петренко. Высокий, добродушный на вид, Степан Петренко был человеком необычайно исполнительным и точным. Командир батальона на него полагался вполне. Отделению была дана задача — ни в коем случае не отдавать дом фашистам.

Два дня прошли спокойно. Все десять бойцов поочередно несли вахту, оглядывая окрестность из широких окон дома, в которых кое-где застряли обгорелые переплеты рам.

На третий день, на рассвете, боец Сергей Кузьминых заметил, что в развалинах, напротив дома на перекрестке, копошатся какие-то странные фигуры.

— Товарищ сержант, — сказал Кузьминых, — разрешите доложить — по-моему фрицы подбираются к нашему дому.

Петренко подошел к окну и стал внимательно наблюдать за поведением немцев. Сомнений не было. Вокруг дома на перекрестке сжималось кольцо врага.

— Проверить пулеметы. Зарядить винтовки, вставить в гранаты запалы. Приготовиться к отражению атаки.

Бойцы молчаливо исполнили приказание командира и заняли свои места. На каждую сторону приходилось по два бойца. И два бойца должны были подносить патроны, подавать воду пулеметчикам, исполнять особые приказания командира. Сержант Петренко вел бой лично.

Вот из полуразрушенного подвала показались два фрица. Они развернули плакат, на котором по-русски с ошибками, кривыми буквами было начертано: «Рус, сдавайся! Вы окружены».

Петренко прицелился из автомата и сделал одиночный выстрел. Один из фрицев, державших плакат, схватился за живот и упал.

Тогда заговорили замаскированные в камнях фашистские пулеметы. Пули ударяли в косяки окон, в стены дома, влетали в комнаты, с визгом ударялись о железные балки.

— Ишь ты, — усмехнулся Петренко, — все заговорили!

Он подтянул на себе ремень и громко скомандовал:

— Патроны экономить! Бить только наверняка! Помните, товарищи, что дело будет жаркое.

Стрельба продолжалась несколько минут.

Затем до взвода фашистов бросились к дому с криками:

— Рус, капут!

Тут-то и показал себя пулеметчик Сергей Кузьминых. Он надавил на гашетку, и пулемет ровно застрочил по фашист-

ской шеренге. Немцы, как соломенные куклы, попадали лицами в пыль, остальные хлынули обратно.

— Что, не нравится! — вскричал Кузьминых.

— Так их, Сережа! — улыбаясь, сказал Петренко.

Несколько минут было молчание. Бойцы осматривали оружие, тихо переговаривались между собой. Синеглазый, худенький красноармеец Николай Сумкин отер пыль с гармошки, которую он никогда нигде не оставлял.

— Эх, — сказал он, — сыграть что ли! — И пальцы бойца заходили по клавишам. В коротком молчании улицы как-то неуместно звучала веселая мелодия. Больше всего этим были удивлены фрицы.

Вскоре к ним подошло подкрепление. Пьяные, дико орущие, они опять пошли в атаку.

— Поработаем, максимушка, родной, — тихо прошептал Сергей Кузьминых, и опять длинная очередь пулеметов хлестнула по наступающим фашистам. И снова так же, как в первый раз, они разбежались, оставив на камнях до двух десятков трупов.

Петренко деловито расхаживал по дому, ободряя своих товарищей.

— Помните, браточки, держаться будем до последнего. Так что ли? — Спросил он у Николая Сумкина.

— Нам что, мы как все, — просто ответил Николай. — Разрешите, товарищ сержант, сыграть любимую?

— Валяй, — махнул рукой Петренко, и гармонист затянул протяжную — «Вниз по Волге-реке». Кузьминых, не отрываясь от пулемета, стал подтягивать приятным тенорком:

«Вниз по Волге-реке, с Нижне-Новгорода
Золотой стружок как стрела летит».

Третий раз полезли в атаку пьяные каннибалы. И третий раз они были отбиты автоматно-пулеметным огнем.

После этого они долго не тревожили наших бойцов.

День клонился к вечеру. Над Волгой подымался туман. А когда совсем стемнело, из-за косматых туч выглянула узкая луна. Кузьминых глядел в окно — туда, за Волгу, где были тылы их части. Там остались друзья и товарищи, работающие в госпитале, хлебопекарне и интендантских складах. Раньше и Кузьминых работал писарем на одном из складов. Но, увлеченный героическими подвигами защитников Сталинграда, он подал командованию рапорт с просьбой перевести его в пулеметную роту. Желание Сергея Кузьминых командование удовлетворило.

Ночная тишина подействовала даже на Петренко. Сидя на

сломанном диване, неизвестно кем притащенным сюда, он вспоминал родную станицу, которая находилась отсюда километрах в ста пятидесяти. Там жила мать, там была и невеста — Марина. Целый месяц Степан не получал писем и теперь думал — что с Мариной, жива ли она, почему не пишет? Может быть, изменила? Хотя нет! Этого, как раз, быть не может. Марина не из таких девушек, которые бросают слова на ветер.

Задумчивость защитников одинокого дома была нарушена залпом немецких минометов. Три мины ударили в крышу дома и снесли ее. Осколки штукатурки посыпались на головы бойцов.

— Держитесь, товарищи! — громко скомандовал Петренко.—Помните, мы дали слово командиру, что дома не сдадим.

— Есть, товарищ сержант! — ответили бойцы.

Новым залпом пробило северную стену дома. Затем сразу две мины влетели в комнату и, завертевшись волчком, взорвались. Яркое пламя до боли резнуло глаза. У всех зазвенело в ушах, и кто-то громко крикнул:

— Сволочи!

Степан Петренко, раскрыв санитарную сумку, подполз к Сергею Кузьминых и перевязал ему руку.

Снова глухо ударили минометы, и опять две мины разорвались в комнате. Когда черный удушливый дым рассеялся, семь защитников этого дома оказались убитыми. В живых остались только Степан Петренко, Сергей Кузьминых, Николай Сумкин и Петр Ефименко.

— Все вниз! — скомандовал сержант и потащил пулемет по уцелевшей лестнице. Четверо героев спустились в нижний этаж и составили два пулеметных расчета. Сумкин стрелял с Кузьминых, а Ефименко был вторым номером у сержанта.

Фашисты, видя, что защитники дома не отвечают, смело пошли в последнее наступление. И опять, как раньше, их встретил пулеметный огонь.

В это время Кузьминых вскрикнул и осел на холодный пол.

Из его головы, заливая лицо, текла алая струя крови.

— Товарищ сержант, — прошептал он, — я умираю.

Петренко помог ему поудобнее лечь на полу, положил под голову свернутую шинель и тихо сказал:

— Ты меня прости, Сережа, но я не могу! Надо к пулемету.

Сергей махнул рукой и замолчал. Пулемет Петренко заговорил злой, нервной скороговоркой.

Фашисты опять отошли. Петренко подошел к Николаю Сумкину и спросил его:

— Ты что же, один стрелять будешь?

— Зачем один? — переспросил Николай, — а гармошка-то на что? Мы с ней вдвоем.

Петренко усмехнулся:

— Хороший ты парень, Коля.

Ночь подходила к концу. За Волгой край неба стал розоветь. Тихо подкрадывалось позднее ноябрьское утро.

— На рассвете немцы опять пойдут в атаку, — тихо сказал Петренко. — Нам придется трудно. Надо быть готовыми ко всему.

На это ему даже никто не ответил. Все было ясно и просто. Каждый решил стоять до последнего.

Слова Петренко оправдались. Когда совсем рассвело, две густые шеренги немецких солдат пошли к дому с автоматами в руках.

— Друзья мои, — обратился сержант к товарищам, — приготовимся подороже продать свою жизнь.

И снова, в который раз, заговорили советские пулеметы.

Фашисты дрогнули, смешались и залегли в камнях развалин.

Петренко поглядел на улицу и зло выругался:

— Патроны кончаются. Теперь дело хуже.

Николай Сумкин смотрел в сторону Волги и тихо перебирал лады гармошки. Губы его напевали знакомое, родное:

«Быть может, больше не увижу
Я златоглавую тебя...»

Николай Петренко присел на коробку из-под пулеметных лент и наблюдал за Сумкиным. Неожиданно Сумкин вздрогнул, лицо его вытянулось и осветилось улыбкой. Он поставил гармошку на пол и закричал:

— Ребята! Наши идут.

Все вскочили и бросились к окну. Из-под горы с гранатами в руках шли в наступление сибиряки.

— Все, товарищи! Теперь можно и плясовую сыграть, — весело сказал Петренко.

Он взглянул на улицу и увидел, как фашисты выбегали из развалин домов и пускались наутек. А сержант посылал им вслед очередь за очередью.

— Теперь патроны экономить нечего, — сказал он, — получайте все сполна.

Лейтенант Голиков первым вбежал в нижний этаж дома и расцеловал Степана Петренко.

— Молодцы, товарищи! Выстояли. Теперь немцы сюда носа не сунут. Наша часть перешла в наступление по всему фронту.

Петр Ефименко, Петренко и Сумкин закричали — ура!

Дом на перекрестке остался в наших руках.

Вечером с военными почестями похоронили защитников этого дома, отдавших свою жизнь за Сталинград, за родину, за счастье.

СРОЧНЫЙ ПАКЕТ

Это незаметное событие произошло в начале августа.

Офицер связи при штабе армии, лейтенант Аркадий Синичкин, получил задание — срочно доставить секретный пакет в одну воинскую часть.

Положив пакет в свой планшет, лейтенант быстро собрался в дорогу. В вещевой мешок были уложены сухари, две банки консервов, сахар. Верного товарища — автомат Аркадий перекинул за спину. После этого он проследил по карте путь следования до гвардейской части. Самые труднопроходимые участки он отметил синим карандашом — это был кусок шоссейной дороги между совхозом и хутором. Здесь шоссе на протяжении 35 километров шло голой степью. А разведка штаба армии еще накануне донесла, что на этом участке пути два раза появлялись немецкие подвижные отряды: мотоциклисты и легкие танки.

Когда все сборы были закончены, лейтенант позвонил на узел связи.

На его счастье дежурила как раз жена — Зина.

— Алло! «Баллада»?

— Да. Я слушаю.

— Говорит «Орел».

— А кто у телефона?

— А ты не узнала?

— А-а-а, теперь узнала. Что случилось, Аркаша?

— Почему, именно, случилось?

— Потому что ты мог бы зайти ко мне лично.

— Ты права, Зинуша. Я срочно уезжаю на передовые.

—Ну, во-о-т, — недовольно протянула Зина. — Ведь я тебя не видела уже пять дней. Сегодня так ждала тебя. Думала, придешь!

— Но ты же понимаешь, женуля, срочный пакет!

Зина вздохнула.

— Ну, хорошо. Поезжай, мне некогда, звонят, я не сержусь. Жду счастливого возвращения.

Аркадий положил трубку на крышку аппарата и медленно встал с табурета. Ему было очень жаль Зину. Они поженились всего два месяца тому назад. И за это время виделись не более пяти раз. Аркадий постоянно бывал в разъездах, а Зина сутками не выходила с узла связи.

День был знойный, душный. Аркадий завел мотор мотоцикла, уселся поудобнее на подушку сиденья и, подпираясь ногами, тронул машину вперед. Через минуту он уже мчался по знакомым узким улицам к переправе через Дон.

Река — довольно широкая, глубокая и прохладная — огибала местность широкой дугой. На правом берегу ее возвышались две большие горы, покрытые густыми шапками леса.

Офицер связи стрелой перелетел новый, блестевший на солнце, свежеструганный сосновый мост, поднялся на гору и вырвался на ровное шоссе. Оно стремилось ему навстречу, как бы бросаясь под колеса мотоцикла.

Скоро вдали показались ветлы совхоза.

Несколько десятков хат, утопающих в садах, были раскиданы по обеим сторонам речки, капризно вьющейся по дну зеленой балки. Три длинных скотных двора разместились прямоугольником возле ветряной мельницы. В стороне, на пригорке, белело каменное строение машинотракторной станции. Возле самой реки паслось стадо гусей. Издали они казались крупными комьями снега, блестевшими на сочной приречной траве.

Возле крайней хаты лейтенант остановил машину и спрыгнул на землю, разминая уставшие ноги. Он постучал в окно. Красивый степенный старик с широкой седеющей бородой и сивым чубом вышел из хаты:

— Опять прискакал, непоседа! Иди до хаты молока испей.

— Спасибо, Прокофий Кузьмич! Но только мне сейчас некогда. Ты лучше скажи мне, как дорога? Проеду ли по прямой?

Лицо старика сделалось серьезным.

— Едва ли. Сегодня наш пастух стадо домой пригнал раньше времени. Божится, что верстах в тридцати за хутором наши видели немецкую разведку. Так что, ты поглядывай!

— Ну, что же, ладно. Спасибо за сведения. Пока, Прокофий Кузьмич!

Мотоцикл летел вперед. Синичкин поглядывал по сторонам. Теплый ветер ударил ему в лицо. Лиловая и пестрая степь уходила назад.

Внезапно откуда-то справа ударил миномет. Мотоцикл дрогнул, накренился, и лейтенант, оглушенный взрывом мины, упал с седла прямо на шоссе. На мгновение он потерял сознание. Затем очнулся и осмотрелся вокруг. Его машина лежала на краю дороги и дымилась. Мотор был разбит.

Аркадий провел рукой по голове — цела ли! Руки испачкались в крови, голова гудела, но кость сохранилась. Только кожу со лба содрало осколком мины. Правый глаз скрыла опухоль. Лейтенант кое-как сделал перевязку и пополз по канаве в гору. Он знал, что немцы, выстрелившие по нему из миномета, безусловно за ним наблюдают!

Он прополз метров двести. Отсюда дорога опускалась вниз и дальше шла узкой балкой. Здесь он встал на ноги и, слегка пошатываясь, побежал между краями балки до того места, где она заворачивала вправо. Тут он пошел медленнее, раздумывая, где бы достать хотя лошадь. Ведь он везет срочный пакет! Но на дороге, на его беду, никого не было видно.

Он взглянул на ручные часы: ого! уже 14 часов!

Хотелось пить. И ему стало жаль, что он отказался от молока в доме Прокофия Кузьмича. Он пошел дальше. Так прошло еще часа два. На перекрестке двух дорог он решил все же хотя немного отдохнуть и подкрепиться. Раскрыв банку с консервами, он стал есть холодноватое, приятное на вкус мясо. Он чувствовал, как к нему приходила сила. Он уже встал, чтобы итти далее, и вдруг замер на месте. Сзади его резкий металлический голос крикнул:

— Хальт! Хенде хох!..

Лейтенант медленно поднял руки вверх, кося правым глазом назад. Он увидел двух здоровенных немцев, подходивших к нему с автоматами в руках.

Мысль Аркадия работала быстро. Казалось, в голове вспыхивали короткие блестящие молнии.

— Если убьют, в их руки попадет пакет. Если в плен возьмут — тоже.

Немцы подошли к нему вплотную. Один из них, рыжий, длинноносый, стал снимать со спины советского офицера автомат. Другой, пузатый, толсторожий баварец, зайдя спереди, навел на Аркадия парабеллум.

— А-а-а, что будет!

Стиснув зубы, лейтенант схватил баварца за правую руку и резко повернул ее влево. Толстяк побледнел от боли и выронил револьвер. В этот же миг правой ногой лейтенант ударил баварца чуть пониже живота. Немец взвыл от острой боли и упал. Тогда Аркадий схватил рыжеусого за руки, которыми тот начал душить его за шею. Собрав все силы, Синичкин разжал руки рыжего, и началась борьба. Немец был здоров, как бык, но Аркадия это не страшило. Он обладал превосходным сложением, знал приемы французской борьбы и бокса. Поймав врага за руки, он сжал его в обхват. Немец побагровел. Глаза его вылезали из орбит. Аркадий отпустил его, но тут же захватил подмышки голову рыжего. Шея немца наливалась густой кровью. Крепко держа врага правой рукой, Аркадий вынул из ножен верную финку и воткнул ее между лопаток фрица.

Немец глухо заревел. Тело его обмякло, и он грузно упал, обливаясь кровью, лицом в пыль.

Аркадий выпрямился и облегченно вздохнул. Но в это время из канавы прозвучал выстрел. Это отдышавшийся баварец выстрелил в упрямого русского из браунинга.

Лейтенант почувствовал, что пуля фашиста ударила его в колено правой ноги. Но он все же успел поднять с земли брошенный баварцем парабеллум и, на лету прицелясь, выстрелил.

Немец вскрикнул и осел в придорожную канаву.

Аркадий устал от неравной борьбы. Из ног текла кровь. Ступать было больно. Но, превозмогая режущую боль, он дополз до канавы и убедился, что и второй немец мертв. Тогда лейтенант забрал его документы и ранец. Затем он осмотрел раненную ногу. Пуля пробила кость немного пониже колена.

Нога посинела и распухла. Он перевязал ее, сел на край канавы и стал думать, как быть. Уже вечерело. В воздухе потянуло прохладой.

Он ощупал драгоценный пакет, лежавший в планшете, и, впервые за всю войну, пришел в отчаяние. Итти, даже итти! он не мог, а боевой приказ надо доставить в срок. Скрипя зубами, заглушая этим непереносную боль, он пополз вперед, волоча за собою больную ногу.

Слева от дороги был курган. Кое-как лейтенант вполз на него и увидел в двухстах метрах от высоты знакомый хутор с двумя колокольнями. В нем как раз и помещался штаб нужной Аркадию дивизии.

Он готов был кричать от радости, но всем своим существом понял, что двигаться уже не мог. Он стал кричать в надежде, что его услышат наши дозоры.

На землю спустилась темная южная ночь. Аркадий кричал через ровные промежутки времени, но никто к нему не приходил.

Тогда он стал рыться в ранце, снятом с баварца, и, к своей радости, обнаружил в нем ракетницу и шесть ракет.

Первая ракета потухла, не загоревшись. Зато вторая вспыхнула ярко-красным огнем и рассыпалась во тьме ночи длинными сверкающими искрами.

Третья ракета была зеленая, четвертая — желтая, пятая и шестая тоже красные.

— Все, — лейтенант сунул ракетницу обратно в ранец и услышал, что к нему подходят люди.

Один из них с хода чуть не наступил на него и громко крикнул:

— Руки вверх, гадюка!

Увидя, что «немец» ранен, бойцы приняли лежавшего Аркадия за фашистского разведчика, его положили на шинель и бесцеремонно понесли.

Всю эту короткую дорогу Аркадий лежал, закрыв глаза, замирая от боли. Его принесли прямо в штаб. Когда в комнату вошел командир дивизии, лейтенант слабым голосом сказал:

— Товарищ полковник, офицер связи штаба армии, лейтенант Синичкин прибыл с донесением.

Он подал полковнику планшет, не в силах раскрыть его.

Прочтя приказ, полковник крепко пожал руку лейтенанта и поцеловал его к величайшему изумлению конвоиров.

— Спасибо, голубчик, — сказал полковник, — вы прибыли как раз во-время.

В медсанбате лейтенанту сделали перевязку. Он попросил у сестры листок бумаги и ослабевшей рукой вывел несколько неровных строк:

«Зинуша! Я опять долго не увижу тебя. Извини, родная! Меня немного ранило, но все пройдет. Возьми у Саши Полякова мой дополнительный паек и флакон духов. Твои любимые — «Красная Москва».

Он попросил сестру передать записку по адресу и сразу же уснул.

БЫЛ ТАКОЙ БОЕЦ

— Вы знаете младшего лейтенанта Никитеева? — спросил меня майор Беликов.

— Какого Никитеева? Вашего знаменитого разведчика?

— Да.

— Конечно, знаю.

Майор усмехнулся и стал закуривать.

Был вечер. Мы сидели в его землянке. В печурке приятно потрескивали дрова. Самодельная лампа-коптилка горела довольно ярко, освещая мужественное лицо майора.

— Так вот... У этого самого Никитеева был такой боец — Пчелкин. Звали его все просто — Митей. Когда этого бойца дали Никитееву, он пришел в отчаяние. Явился ко мне и докладывает:

— Товарищ майор! За что вы надо мной насмешки устраиваете? Вы же знаете, что все мои разведчики, как львы! Один к одному, а этот парнишка, что твоя муха! Маленький, худенький, а шинель на нем — шестой номер, как на коле висит! Он ее еле таскает, а когда встает в строй, так весь пейзаж портит!

— Ничего, ничего, Никитеев, — сказал я. Не все же львов тебе подбирать. Ты лучше из него хорошего разведчика сделай.

Никитеев только рукой махнул и вышел из блиндажа.

На другой день после нашего разговора группа разведчиков, во главе с Никитеевым, вышла на выполнение боевого задания.

— Вы остаетесь за дневального! — сказал новому бойцу Никитеев.

—Есть остаться за дневального, — безропотно ответил Митя Пчелкин.

Узнав, что командир взвода разведчиков назначил Пчелкина дневальным вне очереди, сознательно не взяв его в разведку, я решил наказать младшего лейтенанта.

Когда группа разведчиков вернулась домой, Никитеев явился ко мне с докладом.

— Почему вы не взяли на дело бойца Пчелкина? — строго спросил я.

— Товарищ майор, не верю я в него, — начал было Никитеев.

— Как вы смеете нарушать мой приказ!? И потом, что это за глупость: не верю я в него! Вы знаете, что даже женщины и дети в наши дни совершают подвиги? А это все-таки боец!..

Не на шутку рассердясь, я походил по землянке и добавил:

— Вот что, Никитеев. Ты его все-таки проверь, делом испытай, понятно. А потом видно будет.

— Есть, — ответил он.

Прошло еще несколько дней. Никитеев снова отправился в разведку. На этот раз вместе со всеми пошел и Пчелкин. Он брел сзади всех, путаясь в полах своей шинели, с трудом неся на плечах ручной пулемет.

Взводный запевала и шутник Вася Греков то и дело поднимал Пчелкина на смех.

— Митя, давай мне шинельку. Я понесу, а то устанешь!

Бойцы смеялись.

Никитееву была поставлена задача — разведать огневые точки врага в районе центрального сталинградского рынка и, если представится возможность, занять одиночный дом, что на углу двух улиц, и удержать его до подхода подкреплений.

Темной ночью взвод разведчиков подбирался к одинокому дому. Им удалось бесшумно доползти до самого дома. Когда разведчики швырнули в окна несколько гранат, сидевшие там фашистские автоматчики частью были убиты и ранены, а остальные убежали.

Разведчики заняли дом и стали спешно готовиться к отражению атаки. Три стены этого дома имели окна, но четвертая, северная стена, была глухая, и это очень беспокоило Никитеева. Именно с этой стороны немцы могли безнаказанно подобраться к дому и минировать или даже сразу взорвать его.

Но делать было нечего. Никитеев установил три ручных пулемета: на запад, восток и юг. Остальные бойцы были вооружены автоматами и гранатами.

На рассвете фашисты, силой до роты, пошли в атаку на защитников одинокого дома.

Дружно заговорили ручные пулеметы. Немцы отступили. Поняв, что у наших разведчиков достаточно оружия, немцы подтащили крупнокалиберные пулеметы и стали бить по окнам. Пули с пронзительным визгом влетали в комнаты, сбивали со стен штукатурку. Два бойца Семенов и Рыжих были ранены.

Бой продолжался. Митя Пчелкин подносил пулеметчикам диски, подавал бойцам воду для питья и что-то напевал себе под нос. Спокойствие Мити страшно поразило Никитеева.

Он впервые за все эти дни одобрительно взглянул на Пчелкина и сказал Громову, своему второму номеру:

— Смотри-ка, Митя-то наш... не трусит!

Фашисты, открыв шквальный огонь из всех своих пулеметов, под прикрытием его пошли в атаку.

— Не падать духом, товарищи! — крикнул Никитеев, — когда они подойдут ближе, — бей гранатами!

Немцы уже подбежали к дому, но в них полетели ручные гранаты. С воем и криком волна наступающих отхлынула обратно.

Добравшись до своих укрытий, немцы стали о чем-то совещаться.

— Товарищ младший лейтенант, — громко сказал наблюдатель Голиков, — они, вероятно, хотят подойти к дому с глухой северной стороны.

— Я и сам так думаю, — озабоченно сказал Никитеев. — Но что же предпринять?

— Разрешите обратиться, — подошел к командиру взвода Митя Пчёлкин.

— Да.

— Я так думаю. Вот, если бы залезть на крышу нашего дома, то оттуда можно будет отгонять фрицев с северной стороны гранатами и из автомата.

По лицу Никитеева расплылась улыбка.

— Это ты неплохо придумал. Но как попасть на крышу? Лестница разрушена, а по водосточной трубе нельзя — снимут!

— А если через камин? — осмелев, предложил Митя.

— Через камин? А пролезешь ли?

— Пролезу. Я ведь худощавый.

— А как же быть с автоматом и гранатами?

— Я оттуда веревочку спущу. А вы на нее гранат и понацепляете!

— Молодец, Митя! А ну-ка, попробуй!

Митя скинул свою обширную шинель, подтянул на гимнастерке ремень.

— А ты... не боишься? — глухо спросил его командир.

— Чего же мне бояться! — обиделся Митя и решительно полез в камин.

Он медленно, но упорно подвигался вверх. Бойцы сидели, затаив дыхание.

Из камина изредка доносились тупые удары, то падали расшатавшиеся кирпичи.

Но вот сверху спустилась веревка.

— Значит, добрался, — весело сказал Никитеев и подвязал к веревке автомат с диском.

Веревка пошла вверх. Таким же образом были отправлены и гранаты.

Потом все снова встали на своих местах.

Митя Пчелкин на крыше чувствовал себя, как дома. Он подполз к ее краю как раз в то время, когда фрицы спокойно пошли к дому со стороны глухой стены.

Митя вложил в гранату запал и бросил её в самую середину фашистской группы.

Раздался оглушительный взрыв. До десяти немцев были убиты и ранены. Ефрейтор, шедший впереди, пустился бежать назад, но Митя снял его из автомата и сказал:

— От меня не убежишь, сволочь!

Немцы попрятались в щелях.

Наступило короткое затишье.

Но вот фашисты снова пошли в наступление, сразу со всех четырех сторон.

Опять заговорили все наши пулеметы, и так же, как прошлый раз, Митя швырнул первую, вторую, третью и, наконец, четвертую гранату. Затем он стал бить из автомата по отдельным солдатам.

С каждым удачным броском гранаты, с каждым новым убитым им фрицем Мите становилось веселее. Он даже не замечал, что лежать на железе крыши холодно. Ведь шинель его осталась внизу!

Видя, что наши бойцы держатся крепко, фашисты подтащили минометы.

Две мины ударили в восточную стену дома, но никого из строя не вывели. Третья мина была пущена на крышу дома и, как ножом, срезала одну из дымовых труб.

Митя сжался в комок и выругался.

Опять удар миномета, и новая мина разорвалась на крыше. Митя почувствовал удар в левое плечо и увидел, как на выжженной солнцем гимнастерке показалась кровь. Он достал бинт и правой рукой, как умел, перевязал плечо. Потом, стиснув зубы от непривычной боли, он стал опять наблюдать за фашистами.

Разрывом следующей мины Митя был контужен.

Немцы уже рвались в двери нижнего этажа осажденного дома, когда вокруг них загремело могучее «ура». Это пришла на выручку группе разведчиков рота.

Никитеев сам бережно снял Митю с крыши дома.

Отважного бойца отвезли в госпиталь.

Через два дня после этого боя Никитеев отправился навестить маленького разведчика. С командиром взвода пошел и я.

Митя лежал на кровати, покрашенной голубой краской. Он был очень бледен и слаб. Теперь он особенно походил на подростка лет пятнадцати.

Огромный Никитеев опустился перед кроватью на колени и горячо шептал:

— Ты, брат, извини меня, что я вначале к тебе плохо относился. Душу твою сразу не разгадал.

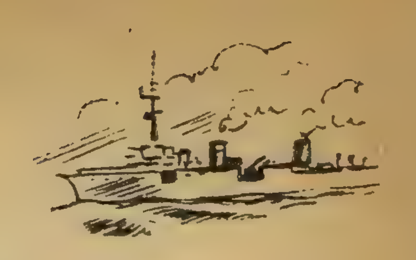
Митя кротко улыбнулся.

— Ничего. Я все понимаю.

— Ну, вот и хорошо. А за свое геройство проси у меня чего хочешь. Слышишь, Митя?

— Ладно, — ответил Пчелкин, — есть у меня к вам одна просьба. Шинель мою перешейте, чтобы как раз по мне была. А то... ребята смеются.

Никитеев плакал.

И. Чуев

ВОЛЖСКАЯ „ОДИССЕЯ"

„Читал „Одиссею" Гомера. Этот легендарный эпос о храбром и хитром Одиссее, который, преодолев все трудности, вернулся к себе на родину из-под Трои, поражает до глубины души и вдохновляет на подвиги во имя родины".

(Из записной книжки краснофлотца С. Доброва).

Они были хозяевами улиц и площадей. Много дней подряд их всевидящие глаза безотрывно смотрели на город с третьего этажа полуразвалившегося дома. Они видели улицы с развороченным асфальтом; площади, точно, оспой исковерканные воронками; дома без крыш и полов, с черными пустыми квадратами вместо окон.

Дальше они видели холмы, изрезанные немецкими окопами и блиндажами, дым костров, движущиеся повозки и автомашины.

Через девять изогнутых и выгнутых линз оптических приборов они подмечали все до мелочей, крепко запоминая и уцелевший на разбитой стене календарь, который не отрывался с 23 августа—памятного для сталинградцев дня первой бомбежки города, и вход в немецкий блиндаж, и большую розовую куклу в детской кроватке, чудом уцелевшей на двух досках от провалившегося пола, и фашистскую амбразуру в стене противоположного дома.

Оба они, и Степан Добров, и Виктор Донцов, были снайперами морского отряда. Когда-то они служили кочегарами на кораблях Черноморского флота, познав и тяготу боевых походов и трепетную сладость возвращения к родным берегам. Торпедисты с гордостью рассказывали, как меткими залпами топили фашистские транспорты; артиллеристы восхищались количеством уничтоженных блиндажей и складов пртоивника; зенитчики подсчитывали сбитых ими воздушных стервятников. А они — кочегары, обеспечивали бесперебойный ход кораблю, поддерживали биение его сердца, были

непосредственными участниками боя, но не видели его и узнавали о подробностях только по рассказам товарищей.

Это их не удовлетворяло. И когда потребовалось помочь земле, когда моряки по традиции потянулись на берег, пересаживаясь с миноносцев на тачанки, — оба они первыми записались в морской отряд, чтобы и на суше поддать жару фашистам.

Они попали в школу снайперов, на «отлично» познали сложные оптические приспособления и принципы пользования ими и овладели способами определения расстояния до того или иного предмета на глазок, что в совокупности давало им возможность быстро и точно установить дистанционный механизм и произвести выстрел. Впрочем в школе они не засиделись и больше осваивали законы оптики не теоретически, а прямо в бою.

Румяное молодое солнце быстро поднималось над горизонтом, когда снайперы повели наблюдение за окрестностью. Небо было голубое и чистое, лишь только над самым солнцем тянулись друг за другом узкие и длинные полосы облаков, похожие на стаю белокрылых лебедей.

Под облаками, точно отбившись от стаи, кружились два сизых домашних голубя. Они то взмывали высоко в небо, то опускались ниже к земле, нерешительно кружились на одном месте и, не найдя родной крыши, вновь чуть не скрывались из видимости глаз. Наконец, они, повидимому, устали и осторожно присели на острую, уцелевшую от большого белого дома стену.

Почти тут же из окопа высунулись два фашиста и стали охотиться за голубями из автоматов. Однако им не удалось насытить голодные желудки нежным птичьим мясом. Степан Добров быстро повернул дистанционный маховичок и открыл счет, увидав через преломление линз, как беспомощно склонилась голова немца, а тело поползло обратно в яму. Второй фашист не избежал участи первого и повис на краю окопа.

Перед завтраком из штабных и офицерских блиндажей с котелками и ведрами в руках стали высовываться денщики. У снайперов началась горячая пора.

Добров любил город. Сталинград был частицей его родины. Он не мог спокойно смотреть, как немцы во весь рост разгуливают по улицам. «Заставлю же я вас ползать...» — думал моряк. Он ловко подбил фашиста с двумя котелками в руках, не дав ему ступить и десяти шагов. Вскоре из того же блиндажа показался новый солдат и побежал по

направлению к убитому. Едва он склонился над ним, как сам стал трупом.

Выстрелы с третьего этажа раздавались все чаще. К обеду немцы действительно стали ползать, а перед вечером даже не решались и на это. Улицы и переулки точно вымерли. Враги остались в этот день без воды и пищи. Тридцать шестым уложенным насмерть немцем Добров закрыл дневной счет. Донцов не отстал от него.

Утром следующего дня они заметили в кирпичной стене амбразуру. Вчера ее не было. «Фашистский снайпер будет охотиться за нами» — заключили они.

Добров и Донцов решили перехитрить снайпера. Они лежали невидимые неприятелю на большом столе, отодвинутом от окна в глубь комнаты. Дула их винтовок не высовывались наружу, а огонь от выстрелов на фоне белого подоконника не был заметен. Добров по коридору пробрался в другую квартиру и, не целясь, несколько раз выстрелил в окно. Затем он надел на дуло винтовки зеленую каску, приподнял ее над подоконником и почти тут же почувствовал, как фашистская пуля со звоном стукнулась о нее. Это был первый и последний выстрел немца из амбразуры, с головой выдавший его. Донцов, оставшийся на прежнем месте, заставил неудачливого стрелка навсегда умолкнуть.

Они держали улицы под страхом смерти до тех пор, пока в их сумках не кончились последние галеты и консервы, и голод стал чувствоваться все острее. Был поздний вечер, и они подумывали, как незамеченными выбраться из дома. Вокруг их, на улицах и в переулках, в развалинах домов и во дворах, в окопах и блиндажах кишели немцы. Они отсиживались везде и всюду, даже в доме, из которого стреляли моряки, прямо под ними, лишь этажом ниже. Краснофлотцы различали неродную речь, слышали, как они пели пропитыми голосами песни и выпускали потоки бранных слов.

Немцы окончательно взбесились, когда на передовом крае их обороны раздался голос Москвы. Он исходил из репродуктора в комнате моряков. Диктор заканчивал передачу последних известий. Его голос сменили мощные звуки «Интернационала», победно раздававшегося по всему дому, по всей улице, где чудом уцелели провода трансляционного узла. Моряки на мгновение вспомнили столицу. Им представился огромный мирный город, где нет ни одного немца. Они вообразили, как сейчас девушки в белых летних платьях выходят там из театров и парков.

После полуночи голод стал напоминать морякам о себе чаще и чаще. Он обострялся от запаха жареной колбасы, исходившего сквозь трещины печки со второго этажа. Краснофлотцы не показывали друг перед другом признаков голода, но каждый аппетитно потягивал носом вкусный запах, мысленно представлял плавающие в масле куски колбасы.

Немцы замолчали, очевидно, приступили к ужину.

— Что колбаса, тем более немецкая, — не выдержал Добров. — Вот у нас в Сибири хозяйки пельмени готовят — пальчики оближешь. Такая, браток, штука эта важная. На мясо для пельменей лучший барашек идет, а тесто месится из самой что ни на есть крупчатки. Заезжай, добрый путник, в полночь-заполночь, угостит тебя хозяйка пельменями, а подает не скупясь. Мало сотню — две на стол поставит.

— Оно бы и колбаской ничего побаловаться, — перебил его Донцов.

— Колбаской, говоришь? Немцы ее сейчас уписывают, даже челюсти трещат. Колбаской тоже можно, когда пельменей нет. Попробуем у фрицев достать, а?

Добров кивнул на гранаты, товарищ молча согласился. Добров подошел к печке и ножом осторожно стал расковыривать трещину.

Вынув из стены два кирпича, он прошептал Донцову над ухом:

— Ты к противоположной стенке уйди... Я один все сработаю...

Достав из кармана гимнастерки матросскую ленточку и, привязав ее на пилотку, Добров добавил:

— Умру, так пусть знают, что был моряком.

Из противогазовой сумки он достал гранату и вложил в нее запал.

Не донеся гранаты до бреши в стене, он подумал, привязал к ней вторую, а затем третью, решительно швырнул связку в дыру и отскочил к Донцову.

Взрывом выхватило всю печку и значительную часть пола вокруг нее. Добров прыгнул в провал и сквозь кирпичную пыль и рассеивающийся дым различил куски человеческого мяса и несколько подыхающих фашистов. Он безжалостно добил раненых и крикнул товарища.

Донцов не ответил. Добров по доске забрался обратно и нашел его в луже крови. Беспомощно склонившаяся голова Донцова была мокрой и липкой. Моряк осторожно перевязал рану бесчувственному другу своим и его пакетами и на мгновение задумался. Теперь обстановка для выхода из по-

мещения усложнилась. Выбраться через коридор и потом по трапу нечего было и думать — на нем не уцелело ни единой ступеньки. Единственным путем являлось окно. Моряк снял радиопроводку с роликов, обвязал ей раненого и понес его к окну. Донцов застонал и пришел в себя.

— Оставь меня, уходи один, — умолял он.

Но Добров даже и слушать не хотел. Осторожно он помог товарищу спуститься за окно и вскоре почувствовал, как ослаб провод и тело раненого коснулось земли. Сам он спустился по водосточной трубе и понес Донцова через дворы и развалины, то и дело прячась за камни.

Их заметил фашист и открыл стрельбу. Донцов опять начал упрашивать товарища оставить его и уходить одному. Рассердившийся Добров даже прикрикнул на раненого и, заметив неопытность стрелявшего фрица, решил убрать его. Но этого ему не удалось сделать. Он услышал новый выстрел, раздавшийся в противоположной стороне, и, повернув голову, заметил человека в бушлате и бескозырке. Моряк в бушлате, уложив фашиста, переполз к двум товарищам. Не назвав своего имени, он помог Доброву доставить раненого до санбата.

Пока врачи суетились вокруг Донцова, Добров почувствовал острую боль в руке. Очевидно, она была вывихнута во время прыжка в комнату фашистов.

— Эге! — заметив больную руку, протянул врач. — Вам, молодой человек, тоже придется полежать.

— Полежать можно, — охотно согласился Добров и тут же прилег на диван.

Донцову вливали кровь. Когда врачи освободились и снова явились в приемную, его товарища там не оказалось. Отдохнув немного на диване, Добров незаметно отправился на передовую.

Декабрь, 1942 г.
Волжская флотилия.

ЛЕНТОЧКА

I

Девушка спешила на переправу. Она захватила наскоро приготовленный узелок с необходимыми вещами, окинула взором разрушенный бомбами и снарядами родной дом и садами направилась к Волге.

Враг забрасывал окрестности минами. С визгом проносясь над головой девушки, они, как резиновые мячи, подскакивали над землей и, разрываясь на мелкие осколки, разлетались далеко в стороны. Оглушенная взрывами, девушка неожиданно вскрикивала и падала на землю, потом робко поднимала голову и, пользуясь коротким затишьем, бежала дальше.

Она лежала под яблоней, уткнувшись в землю, когда до ее слуха донесся призывный стон. Девушка подняла голову и, заметив напротив красноармейца, поползла в его сторону.

Из головы бойца струилась алая кровь. Девушка позвала его — он не ответил. Она заглянула ему в глаза — они были закрыты.

— Батюшки, крови-то сколько... Что же с ним будет, — растерянно прошептала девушка.

На минуту она задумалась, развязала узелок, достала белое еще ненадеванное платье и, разорвав его на части, стала перевязывать раненого. Запах теплой крови ударил ей в лицо. Голова ее слегка закружилась, но руки продолжали работать, не замедляя движений. Пробужденный прикосновением ее пальцев, раненый поднял веки. Взгляд его усталых глаз выражал благодарность.

— Вам не очень больно? Нет! — обрадовалась девушка.

— Спасибо, сестрица...

Довольная, она побежала дальше. Теперь разрывы мин казались ей не такими страшными, она уже не вскрикивала, а только ничком падала на землю, ожидая, когда пролетят осколки.

На спуске к Волге она снова встретила раненого и опять развязала узелок. Потом она развязывала его еще и еще, до тех пор, пока не были разорваны на бинты все платья.

Последним бинтом она перевязала руку молоденького автоматчика, грудь которого была закрыта полосатой тельняшкой.

— Вам не очень больно? Нет! — ласково спросила его девушка.

— Не очень. Царапина... До свадьбы заживет, — улыбнулся он и, поблагодарив, побежал в гору, где разгорался жаркий бой.

Изумленная, она проводила его долгим взглядом, перевела глаза на Волгу, от берега которой отчаливала переправа, взглянула на опустевший узелок и направилась в сторону города.

II

Случай помог им встретиться вновь.

Автоматчик Максим Зорин пятый час выслеживал фашистского снайпера, неотрывно следя за развалинами улицы. Он точно определил место, где отсиживался фашист, выпустил по нему две очереди и все же не заставил замолчать.

— Достану же я тебя, угощу горошком, — ворчал автоматчик, удивляясь ловкости немца маскироваться.

Недалеко громыхал танк. Видя, что он собирается свернуть в противоположную сторону, Максим решил применить благое намерение и жестами показал водителю остановить машину. Через секунду он уже провалился в люк и упрашивал танкистов:

— Вы уж довезите вон до того дома. Заставим фашиста покурить...

Пока танк гремел на улице, Максим вынул гранату, вставил в нее запал и, поравнявшись с предполагаемым местом, где должен сидеть фашист, бросил ее в развалины. Также быстро он выскочил из люка и, пока не рассеялся дым, очутился в развалинах.

Немец, смертельно раненный осколком в живот, лежал недвижимо. Забрав фашистское ружье, Максим с ненавистью посмотрел на хрипевшего противника и услышал знакомый женский голос:

— Не беспокойтесь. У этого до свадьбы не заживет...

Прямо перед ним, высунув из ямы белокурую голову и придерживая деревянную крышку, улыбалась девушка, повязка которой еще держалась у него на руке.

III

Пока они перебегали и переползали от развалин к развалинам, добираясь до морского отряда, девушка рассказала Максиму, как не захотела расстаться с родным городом и вернулась от переправы. Она жила в закрытом окопчике, вырытом на месте прежнего дома. С помощью других женщин готовила бойцам пищу и перевязывала раненых.

Максим устроил ее на работу в санбат и не ошибся. Слушая лестные отзывы моряков о новой санитарке Лене, он радовался за нее. Она умело делала перевязки, помогала раненым укрыться в безопасное место и одной улыбкой и добрым ласковым словом смягчала боль. Он встречался с девушкой, но эти встречи выпадали так же редко, как минуты затишья.

Однажды ему сообщили, что Лена ранена в ногу. Целый день он думал только о ней, лез в самые опасные места и больше, чем когда-либо, убивал фрицев, приговаривая:

— За Лену, гад, за кровь ее невинную расплачивайся!

Вечером он сам пошел в санбат.

Она лежала под свежей, пахнущей мылом простыней. Волосы ее, перевязанные голубой шелковой лентой, были убраны и выделялись ровными волнистыми прядями. От потерянной крови она была еще так слаба, что не заметила, как скрипнула дверь и в землянку, вслед за врачом, протиснулась фигура Максима.

Он долго глядел то на похудевшее с ввалившимися глазницами лицо девушки, то на забинтованную ногу, резко выделяющуюся под простыней. Потом он осторожно развязал голубую ленту на ее волосах и спрятал за подкладку пилотки рядом с черной ленточкой с золотым тиснением «Черноморский флот».

— Первая — память о Севастополе, а вторая — о Сталинграде, — шопотом растолковал Максим недоумевающему врачу значение ленточек.

Поцеловав больную в большой белый лоб, он бесшумно вышел из землянки.

Декабрь, 1942 г.
Волжская флотилия.

ЕСТЬ НА ВОЛГЕ УТЕС

„Ах, песня, песня, что можешь ты сделать с сердцем человека!“.
Д. Фурманов — „Чапаев“.

Они были питомцами студеного северного моря. Всех вместе в шутку их называли «Дивизионом плохой погоды», потому что на ленточках их бескозырок золотом сияли названия кораблей: «Смерч», «Ураган», «Гроза», а по отдельности звали Андреем Старостиным, Сойкой и Васей Пушкарем.

«Дивизион плохой погоды» с отрядом морской пехоты третий месяц защищал раздольные приволжские степи.

Три товарища всеми своими повадками показывали, что они дети моря. Из-под их защитных гимнастерок виднелись треугольники полосатых тельников, пряжки морских ремней были всегда надраены до «чортова глаза», а на затылках развевались репсовые ленточки бескозырок, с которыми они никак не хотели расстаться и заменить их фуражками.

В их разговорах то и дело мелькали морские термины. Походную кухню они, как на корабле, называли «камбузом», кладовщика — «баталером». И песни они пели свои — морские, чаще всего о кочегаре, который, даже умирая, не захотел покинуть вахты. Эта известная старинная песня моряков кем-то была переделана и из уст друзей звучала по-новому:

Раскинулось море широко,
А волны бушуют вдали.
Товарищ, мы едем далеко
Фашистов топить корабли.

Запевал, как всегда, Сойка. Он закрывал глаза и весь отдавался песне. Вначале он пел тихо, затем голос его входил в силу и звучал все громче. Бойцы помогали ему, и задушевная песня о безвестном моряке раздавалась по степи и тонула в синих сумерках.

На палубе восемь пробило,
Товарища надо сменить,
По трапу он быстро спустился,
Чтоб родину-мать защитить.

Песня нарастала, ее подхватывали во всех окопах и блиндажах, она бередила сердца, заставляла людей забывать о лишениях и опасности, зажигала на подвиги...

Морской отряд отстаивал важную линию обороны на подступах к городу. Горсточка отважных против бесчисленного количества немцев умножала былую славу волжской флотилии. Выстоять, умереть, но не отступать, не отдавать вольной Волги и столицы ее — Сталинграда — было законом моряков.

Стояли, не жалея собственных жизней, чтобы только жил город-герой. Отбивали многочисленные атаки и все-таки стояли. Принимали тонны свинца и все же не отходили назад.

Немцы ожидали новое подкрепление, и три товарища были посланы к ним в тыл, чтобы неожиданно, как снег на голову, свалиться на противника и бедой ударить по железнодорожным составам с живой силой и боеприпасами.

Тихо, как тени, товарищи переползли линию фронта, добрались до полотна железнодорожной насыпи и укрылись в кустарнике. Где-то позади их раздавались глухие орудийные выстрелы. Из-за железнодорожного полотна показался золо-

той серпик месяца. Он поднимался все выше и выше, плавая на фоне звездного неба или прячась в белых, кудрявых, как овечья шуба, облаках. Его свет дрожа отражался на гладкой поверхности рельс и убегал далеко, далеко вперед, оставляя блестящую ровную дорожку.

Моряки лежали, не выдавая себя ни единым движением. Их чуткие уши уловили, как задрожали рельсы. Блестящая дорожка стала быстро сокращаться, то из темноты выступала разведывательная фашистская дрезина, проверяя путь и обстреливая все вокруг его из двух пулеметов.

Не прошло и десяти минут, как рельсы загудели снова, и ясно раздался шум приближающегося без огней паровоза. Все четче и четче выступал силуэт поезда. Моряки в одно мгновение очутились у насыпи. Под колеса машины полетели массивные противотанковые гранаты, мощные взрывы один за другим потрясли воздух, разворотив рельсы и шпалы. Паровоз, зарываясь колесами в землю, пропахал ее на несколько метров и, тяжело отдуваясь, остановился. Раздался треск разбиваемых в щепки вагонов и стоны раненых. Вокруг поднялась беспорядочная стрельба. От взвившихся в небо ракет стало светло, как днем.

Морякам не удалось замести следы. Заметив их, немцы повели такой огонь, точно перед ними был целый батальон. Андрей, Сойка и Пушкарь, отстреливаясь из автоматов, медленно отходили. Немцы напирали, образуя кольцо вокруг трех смельчаков, которые, разряжая диск за диском, сожалели, что патроны подходят к концу.

Короткий стон Андрея заставил Пушкаря и Сойку повернуться в его сторону. Они увидели, как Андрей выпустил автомат. Пробитая разрывной пулей правая рука его беспомощно повисла, как плеть. Моряки не успели придти на помощь товарищу, как его окружили с десяток гитлеровцев. «Держитесь, братишки, бейте гадин проклятых!» — были последними словами Андрея. Левой рукой он отцепил от пояса гранату, зубами поставил ее на боевой взвод и швырнул себе под ноги, взорвавшись вместе с окружившими его фашистами.

В нескольких шагах от Сойки и Пушкаря чернела воронка, вырытая авиабомбой. Но эти несколько шагов оказались для Пушкаря роковыми. Пуля ужалила его прямо в сердце. Он схватился за раненое место и, спотыкаясь, свалился в воронку. Вслед за ним быстро прыгнул в яму Сойка и заглянул товарищу в лицо. Блеск открытых глаз его был холоден, как свет глядевших с неба звезд.

В диске сойкиного автомата оставалось лишь несколько патронов. Чтобы не сдаться противнику живым, боец решил приберечь их для себя и стал метать гранаты. Он торжествовал, видя, как после каждого взрыва редели ряды фашистских вояк, а оставшиеся в живых трусливо жались назад. Увлеченный этим, Сойка не заметил, как за спиной в яму свалился гитлеровец и бросился на него. Сойка едва успел увернуться от удара и, изловчившись, выстрелил фашисту в живот. Тот захрипел, закорчился в предсмертных судорогах.

Немцы почти вплотную приблизились к воронке. Моряк пожалел затратить для себя последние пули и разрядил весь диск по врагам. Он поднялся во весь рост и, действуя прикладом, пошел навстречу фашистам. Чьи-то цепкие руки впились в сойкины плечи. Его скрутили веревками.

Сойку пытали до рассвета. Ему вывертывали руки, запускали под ногти иголки, выжгли на груди линии, похожие на полосы его тельняшки. Даже на матросскую бескозырку немцы не могли глядеть спокойно, ленточку они разорвали в клочья, а звездочку накалили на огне и приложили к сойкиному лбу.

Моряк не проронил ни слова. Он терял сознание, а когда приходил в чувство, то молчал. И только черты его лица выражали смертельную ненависть к людям-зверям, окружавшим его, а пальцы рук сами по себе сжимались в кулаки.

Его привязали к столбу с железнодорожным знаком, облили керосином и подожгли. Пламя охватило его ноги и поползло выше. Преодолевая смертельные муки, Сойка прощался с жизнью. Первый луч восходящего солнца кольнул его в глаза и задорным огоньком отразился в зрачках. Сойка повел вокруг головой и остановил взгляд на одной точке. Он вздохнул полной грудью и запел во всю мощь своего голоса:

Есть на Волге утес,
Диким мохом оброс
От подножья до самого края.
И стоит сотни лет,
Только мохом одет,
Ни нужды, ни заботы не зная.

Степь прислушивалась к сойкиному голосу и разносила его далеко, далеко. А он, воодушевленный песней, гордо смотрел в ту сторону, где в дымке пожаров виднелся город, который он, Сойка, отстаивал не жалея жизни, город, носящий имя великого Сталина.

Не обращая внимания на боль, причиняемую огнем, Сойка все пел и пел о высоком волжском утесе, сравнивая с ним любимый город. Он пел и видел, как солнце обливало город молодыми лучами, и он, разрушенный, но непокоренный, казался ему еще величественнее.

Умирая, Сойка от души радовался, что город-утес никогда не падет на колени перед проклятыми всем миром выродками человечества.

БАБЫ

На отлогом песчаном берегу Волги группа эвакуированных сталинградцев ожидала переправы на другую сторону. Только что миновала воздушная тревога, и люди, вылезая из-под кустов, подтягивались к дебаркадеру. Высокая женщина, поправляя на голове черные пряди волос, раздувала погасший было костер. Несколько ребятишек и матерей жались поближе к огоньку. Ни на минуту не забывая о костре, женщина торопливо говорила:

— Напугал как, проклятый... Совсем низко летел... Не могу переносить, когда стервятник воет. Сердце болит...

Набрав полную грудь воздуха, она резко подула на тлеющие угли и продолжала:

— Натерпелись мы от них всяких пакостей. Всю жизнь испортили... Как стали город бомбить — ни тебе спокоя, ни спасенья, того и гляди голову потеряешь. Я женщина робкая, в убежище забилась. Тесно там, как в трамвае. Пять суток отсиживалась, носа наружу не показывала. Муж — тот выходил. Вернулся обратно в подземелье и все меня успокаивал: «Настя, — говорит, — не расстраивайся. Наш дом целехонек стоит, только воронка возле него большая и стекла в рамах полопались».

В другой раз пришел и опять просил не тревожиться. «Все, — говорит, — цело, дом стоит, лишь угол, где Паршины жили, как колуном отхватило». В третий раз явился и виновато смотрит на меня: «Настенька, наши-то с тобой портреты на улице валяются, и рамки разбиты. А остальное все, как было, дом, как дом, на месте стоит».

Тут уж я не вытерпела. Как же, говорю, все, как было, если позавчера стекла полопались, вчера угол отшибло, а сегодня портреты на улице валяются. Путаешь ты меня, Василий Сергеевич, пойду сама все проведаю.

В сумерки вышла и ахнула — ни улицы, ни дома, лишь груды кирпича кругом навалены, да разбитые стены кое-где уцелели. Родной кров помогла мне кукла дочкина разыскать. Торчит она из-под кирпича, ручонку, как ребенок, вытянула, словно помощи просит. Я кирпич вокруг нее разбрасываю, а самолет надо мной воет и воет. Голову подняла и вижу — немец на парашюте, как на качелях, спускается, не успел он тряпки свои смотать, ракетницу выхватил и знак своим подать собирается. Обидно мне стало, что куклу, проклятый, помешал откопать, дочку порадовать. Схватила подвернувшийся дрючок, выскочила из-за стены, размахнулась и треснула фашиста по лапе поганой.

Слышу недалеко разговаривают.

— Бабы, зову, женщины, помогите! А сама дрючком гитлеряку охаживаю.

Помогли мне соседки в штаб парашютиста и ракетницу доставить. Диверсантом, гадюка, оказался. Хвалили нас в штабе:

— Ай, да бабы!

Больше всего мне досталось. Военный начальник все руку жал, спасибо сказывал и фамилию мою записал. А я, женщина робкая, начальнику в глаза смотреть стеснялась и все думала к развалинам дома поскорее вырваться, куклу откопать, чтоб дочку позабавить...

Слушатели засуетились. По свинцовой осенней Волге к дебаркадеру подходил буксир. Рассказчица распахнула полы пальто, чтобы заправить под него платок, и на груди ее, против самого сердца, блеснула серебряная медаль с восемью пламенными буквами: «За отвагу».

РОЖДЕНИЕ ГЕРОЯ

Недавно во фронтовой газете промелькнула заметка, что в числе защитников Сталинграда награжден орденом Красного Знамени боец Серафим Тишин. Тут же с газетного листка глядел широколицый, задорно улыбающийся воин с трофейным автоматом на ремне, с гранатами, ловко прилаженными к поясу.

Несомненно, это был тот самый Тишин, знакомство с которым у меня произошло с год тому назад в белоснежных полях под Москвой.

...В тесной землянке, освещаемой лишь пламенем крохотной печурки, тихо раздавался грубоватый голос:

— Вот он какой человек-то был. Приходит раз к нему известный критик, а он сапоги шьет. «Садись», — говорит Толстой. А критик от удивления, что писатель сапожным делом занимается, и о приглашении позабыл. — «Вы, говорит, Лев Николаевич, лучше бы книги писали, а сапоги пусть мужики шьют». Покачал писатель головой и ответил:

— «Сапоги тачать тоже не каждый может. Не будь сапожников, и ты бы босой находился». И верно, взялся было критик за шило, поковырял, поковырял им — ничего не получается. А Толстой тем временем сапоги сшил и протянул их гостю. И не смог критик придраться к писателю. Бережно поставил он те сапоги на полку рядом с книгами и надпись сделал: «Очередной том произведений графа Льва Толстого».

По голосу я определил, что говоривший был Серафимом Тишиным.

Тишин пришел к нам в роту из запаса. Уроженец глухих керженских лесов, высокий, немного сутуловатый, с руками почти до колен, он всей своей малоподвижной фигурой напоминал что-то медвежье. Да и характер его сразу выдавал лесовика. В роте не было ни одного человека, с которым Тишин сошелся бы близко. Если с ним кто-либо заговаривал, он предпочитал отмалчиваться и выбирал такие места, где никто не мог нарушить его одиночества. Во время перестрелки он прятался за камнем или сидел в окопе и, не целясь, стрелял в божий свет, как в копеечку. За это его обвиняли. Он робко оправдывался и не мог глядеть людям прямо в глаза, а отводил свой, как будто бы виноватый, взгляд куда-то в сторону.

— Не могу смотреть, когда люди умирают не своей смертью, — твердил боец.

И все-таки Тишин не был трусом.

Пусть он не рвался, как все мы, поскорее попасть на фронт и не писал рапортов о посылке на самый ответственный участок, пусть не просился в десантные группы, пусть не хотел убивать — все-таки он не был трусом.

Когда командир подбирал желающих добровольно пойти в разведку, Тишин не набивался. Но если товарищи по отделению охотно выполняли просьбу начальника, то и он, вместе с ними, уползал в тыл врага. Ему было все равно: увенчается ли разведка успехом или закончится неудачей. Предлагали бойцы вернуться назад, и он охотно шел за ними, настаивали, чтобы продолжать ползать по тылам врага и вы-

полнить лишнюю операцию, он не отказывался и тоже не отставал от них.

В его поступках даже проявлялись случаи героизма. Когда мы узнали, что по дороге в окопы убило почтальона, несшего письма, Тишин, не обращая внимания на беспрерывную пальбу со стороны немцев, полез на земляную насыпь. Все предупреждения товарищей обождать до наступления сумерек не помогли, — он упрямо карабкался кверху. Совет бойцов прихватить автомат тоже не подействовал, — Тишин только отмахнулся.

Он смело пробежал дистанцию, разделяющую окопы с телом убитого, и нагнулся над ним, чтобы снять полевую сумку. Ещё теплый труп показался ему подозрительным. Он приложил к груди почтальона ухо и уловил, как едва заметно стучит под гимнастеркой остывающее сердце. Не раздумывая, он бережно, как ребенка, взял тяжело раненого бойца на руки и направился с ним в санбат.

Заметив открытую цель, немцы начали беспорядочную стрельбу. Как опытный пчеловод не обращает ни малейшего внимания на жужжание пчел, так и Тишин не пугался пронзительного свиста свинца и ловко перебегал с места на другое, унося раненого.

Он доставил почтальона прямо на операционный стол и с мольбою обратился к врачу:

— Спасите! Я его три версты на себе нес...

Пока врачи вливали раненому кровь, Тишин сидел возле землянки, уткнув голову в колени и обхватив ее длинными руками. Почтальон все-таки умер. От этой вести глаза Тишина сделались влажными. Тихонько от людей он вытер слезы кулаком и едва слышно выдавил из себя:

— Как же это... Кто же письма в окопы будет носить?..

Вернувшись назад, Тишин роздал почту бойцам.

На другой день Тишин остановил военкома и несмело попросил:

— Вы бы меня, товарищ политрук, на место убитого почтаря определили. Сами понимаете — не приспособлен я воевать.

— Это почему же? — удивился военком. — Твоими-то руками с одного удара из немца студень сделаешь. А ты — в почтари метишь.

— Жальлив я дюже ко всему живому. Курицы за всю жизнь не обидел. Кровь не переношу. А тут людей убивать надо... Я к этому как бы толстовец отношусь.

— Странный человек, — подумал военком. Однако мыс-

ли подсказывали ему, что такой, как Тишин, в критическую минуту может подвести, и он удовлетворил его просьбу.

Тишин был от души доволен своим новым положением. Не считаясь с отчаянной перестрелкой, он всегда появлялся в окопах, радуя нас весточками из дома. Мы восторженно встречали каждое письмо, отпуская похвалы по адресу аккуратного почтальона. И, как девушка застенчиво скрывает от людей свои дефекты, так и он, вместо ответа, попрежнему прятал от нас свои глаза.

И все-таки нам случилось быть свидетелями того, когда Тишин взглянул на нас открыто, и глаза его не казались виноватыми, а горели тем удивительным огнем, который разжигает у советского человека ненависть к фашистским захватчикам и бандитам.

Тишин влетел к нам в окоп, когда мы приготовились подняться во весь рост и броситься в атаку навстречу вражеским дзотам и блиндажам. Он бежал за нами без ружья, перегоняя отставших, и одним из первых ворвался в фашистский окоп, очутившись лицом к лицу с опьяненным от злобы гитлеровцем. Завязалась смертельная рукопашная схватка. Тишин выбил из рук немца автомат и, смяв фашиста под себя, обвивал его красную шею крепкими, как когти зверя, пальцами до тех пор, пока тот не испустил дух. С добытым в бою автоматом он, как разъяренный зверь, стал пробиваться вперед, кося под себя немецких солдат, сбивая их прикладом.

В бою нам некогда было обратить внимание на перерождение Тишина. Только потом все вспомнили о нем. Одежда, лицо и руки его были в крови. Дышал он устало, как после тяжелой продолжительной работы.

— Гады, — презрительно и громко кричал Тишин, точно пытаясь разбудить своим голосом валяющихся вокруг скорченных фашистских мертвецов. — Жечь вас надо, поганых, и пепел без жалости по ветру развевать. Прахами вашими землю русскую нельзя осквернять.

Мы молчали, удивленные странной переменой Тишина, а он, догадавшись, что на него смотрят десятки глаз, точно опомнился и, как прежде было, спрятал от нас свой взор. Но это было только мгновение. Веки его поднялись над глазами, и в зрачках появились до сих пор невиданные искры.

— Пусть были бы люди, а то ублюдки с гадючками на мундирах, — не унимался Тишин. — Братцы, товарищи! Что же они делают?..

Он выхватил из сумки газету и развернул ее. Вся вторая страница газетного листа была заполнена материалом о зверствах гитлеровцев в Ясной Поляне. Указывая на снимки, Тишин рассказывал, как осквернили фашисты сокровищницу русской культуры, связанную с именем великого писателя Льва Толстого.

— Перед его умом весь мир преклонялся, — волновался Тишин. — Люди шапки перед его могилой снимали, а они своих сучьих сынов в нее зарыли, музей в хлев превратили, книги пожгли...

Дни катились за днями, и с каждым днем все дальше откатывались от Москвы хваленые фашистские войска под могучими ударами Красной Армии. Серафим Тишин окончательно преобразился.

Отнятый им при атаке трофейный автомат заменил ему почтальонскую сумку. Он стал лихим бойцом, без которого редко обходились сложные операции.

Он частенько вспоминал любимого писателя и, убивая фрицев, говорил:

— Вот вам, выродки, за Ясную Поляну, вот за Льва Николаевича!

А еще он любил рассказывать молодым бойцам о том, что когда-то ходил из Керженских лесов в Ясную Поляну поклониться могиле Толстого, любовался там достопримечательностями — и вернулся назад, проникнутый еще большей любовью к Льву Николаевичу. При этом он никогда не забывал мимоходом вспомнить про сапоги, сшитые Толстым и будто бы самолично виденные им, Тишиным, на полке среди книг писателя.

Где он теперь, боец Серафим Тишин? Может быть вы встретите его, товарищ читатель! На его военной гимнастерке, против сердца, сияет новенький орден, а рассказывая о своей боевой жизни, он всегда вспоминает писателя Льва Толстого, который научил его воевать с фашистами.

ВАЛИК

По трапам и палубам корабля он не ходил, а как бы летал, покрикивая на зазевавшихся: «Шевелись, не ходи валиком!». Он был из тех людей, о которых говорят: «мастер на все руки». «Хочу — могу, а могу — сделано», — любил он выражаться и за что бы ни брался, делал хорошо и быстро. Он недолюбливал тех, кто относился к работе спустя рука-

ва, старался подогнать их, не забывая при этом упрекнуть: «Не делай валиком». — Поэтому за ним так и закрепилось прозвище: Валик да Валик.

По осенней свинцовой Волге канонерка шла без огней. Впереди по курсу виднелся Сталинград. Когда-то здесь был город-сад. У самой кромки берега красовались голубые узорчатые дебаркадеры. Чуть повыше, на горе, дома-дворцы. От них начинались улицы, залитые тысячами электрических огней. Но сейчас город освещался не мирными огнями, — догорали его руины. Баржа, выброшенная на песчаный берег реки, пылала громадным костром, языки которого касались низко нависших осенних облаков и лизали их. Горящая нефть просачивалась сквозь раскаленные бедра баржи и бежала обратно к седому Каспию. Волга пылала. Огромная огненная поверхность ее, извиваясь змеей, врезалась в покров темной ночи. На несколько километров было светло, как днем.

Едва только канонерская лодка ткнулась о причал, Валик с походной рацией за плечами выскочил на берег и отправился к окраине города.

Он шел огородами, плотно прижимаясь к плетням и укрываясь за стволами деревьев. Отдаленное зарево пожара падало на землю алым блеском. Под ногами, меж высохшей ботвы, то и дело попадались продолговатые кавуны и круглые дыни, похожие на человеческие черепа. Шум опадавших с деревьев поблекших листьев воспринимался как звон металла, точно о голые ветви задевали не листья, а стучали по ним осколки снарядов и потом глухо врезались в землю.

Почти из-под самых ног его вылетела черная зловещая птица и, едва подняв в воздух жирное, напитанное человечьей кровью тело, с громким криком лениво захлопала крыльями. Он наткнулся на разложившийся смердящий труп немца. Зарево пожара падало на лицо мертвеца, слабо освещая черные провалы вместо глаз, выклеванных вороном. Чем дальше он пробирался, тем трупы в зеленых шинелях попадались чаще. Пустого пространства на земле было меньше, чем усеянного мертвецами.

Жалкие фашистские трусы, отступая, даже не убрали убитых. Когда-то многие из них, хватаясь за жизнь, взывали о помощи и, не получив ее, так и застыли на неприветливой чужой земле с молящими лицами и протянутыми руками.

Добравшись до переднего края обороны, Валик поспешил потратить остатки ночи на выбор наблюдательного пункта. Подбитый танк противника привлек внимание моряка. Он

подполз к нему вплотную и уже приготовился открыть крышку люка, как сквозь щели уловил незнакомую речь. Валик на мгновение замер. Затем он незаметно раскинул по земле провод антенны, а сам подлез под мертвое стальное чудовище, поудобнее устраиваясь под ним.

С рассветом с обеих сторон началась перестрелка. Перед глазами моряка, как на ладони, лежали свои и чужие позиции. Засевшие в танке фашисты то и дело строчили короткими очередями. Он сожалел, что заблаговременно не разделался с ними, не бросил в люк гранату. Думать об этом теперь было поздно. Он облюбовывал огневые точки противника, засекал их и приводил рацию в движение. Шифрованные точки и тире бесшумно летели в эфир и, уловленные радистами корабля, превращались в живые цели. Краснофлотцы-комендоры разговаривали с фашистами языком орудий, и корректировщик любовался их точной работой. Неприятельские гнезда замолкали одно за другим, пехота панически рассыпалась в разные стороны.

Прямо перед ним гремели тяжелые фашистские танки. Они наступали как сплошная бронированная стена, дико воя моторами, выбрасывая огненные плевки из пулеметных и орудийных дул. Мощные, невидимые залпы с Волги поднимали перед их гусеницами столбы черного дыма, забрасывали их землей. Осколки снарядов стучали по бронированным бокам, а танки все шли и шли. Валику казалось, что вот, вот надвигающаяся стена раздавит и его, вомнет в землю. Видавший виды боец не дрогнул. Он был уверен в силе корабельной артиллерии, надеялся, что хлопцы не подкачают. Пальцы его беспрестанно нажимали на ключ приемника. «Вправо, влево, перелет», — шопотом командовал он и сердито ворчал, если снаряд не угадывал в цель.

Передний танк был всего в нескольких шагах, когда мощный взрыв раздался под самыми его гусеницами и разорвал их. Черная гора поднялась на дыбы и потом осела в воронку, неспособная двигаться дальше. Комендоры точно нащупали цель, вывели из строя еще два танка и задержали продвижение остальных. Фашистские молодчики повернули машины вспять и, подгоняемые артиллерийскими залпами, быстро отступили.

Увлеченный своим занятием, Валик не заметил, как короткий осенний день начал угасать. Немцы свертывали боевые действия и обнаруживали себя реже и реже. Мысленно прикидывая эффект от работы комендоров, Валик начал было подумывать, как выбраться из-под фашистского танка, и

вспомнил про засевших в нем «кукушек». Он решил во что бы то ни стало расквитаться с соседями. «Устрою же вам аврал», — подумал моряк. Но как это сделать? «Хочу — могу, а могу — сделано», — вспомнил он любимую поговорку и решил сидеть тут до тех пор, пока фашисты сами не выберутся из танка.

Его расчет оправдался. Немцы не засиделись и вскоре показались в люке. Острый финский нож сверкнул в руке Валика и по рукоятку утонул в спине одного из фашистов. Второй немец не успел опомниться, как Валик прыгнул на него и силой собственного тела сшиб с ног. Смертельная борьба была короткой. Одной рукой моряк придавил шею фашиста к земле, другой — дотянулся до рукоятки ножа, вытянул его из мертвого уже тела и перерезал противнику горло.

Он поднялся и, тяжело дыша, с омерзением посмотрел на ладони рук, запачканных в немецкой крови. Нагнувшись над трупом, он вытер руки о полу фашистской шинели, взвалил на плечи рацию, прихватил трофейные автоматы и прежним путем направился к Волге.

Осенняя ночь берегла его.

СОДЕРЖАНИЕ

Редактор *М. Д. Шошин.* Художник *Б. Н. Лукин.*

*

Подписано к печати 20. VII. 1943 г. КЕ 1762. Печ. л. 3¼. Уч.-изд. л. 2,9. В печ. л. 37312 тип. зн. Тираж 5000 экз.

Цена 1 р. 30 к.

Типография издательства Ивановского областного совета депутатов трудящихся. Иваново, Типографская, 4. Заказ № 2477.

1 РУБ. 30 КОП.